

училища", затем "Высшая партийная школа", затем, к моей радости, оно все же вернулось к тому делу, ради которого было построено. Это снова школа, — правда, под другим номером — средняя школа № 90 им. А.С. Пушкина. Но для меня она все равно "моя сотая" — школа моего детства и юности. Теперь она в нашей семье не только моя. Спустя полвека после меня ее окончила моя внучка. В день ее выпускного вечера, покинув торжество, я поднялся в знакомый класс и задумчиво прислушался к голосам соучеников и педагогов, отчетливо зазвучавших в моем воображении, и среди них выделился один, который произнес со знакомой интонацией: "Здравствуй, Боря!". То был голос Григория Марковича Радзинского.



Тропой трепетной и вечной

"Жизнь семьи, рода, клана глубока, узловата, таинственна, зачастую страшна. Но темной глубиной своей, да еще преданиями, прошлым и сильна она".
Иван Бунин

Перед выездом из Украины Виктория Жукова по делам приехала в Одессу. Хоть времени было в обрез, она не могла не прийти на Успенскую. Сердце безошибочно показало ей путь. Она узнала этот дом, хоть никогда в нем не была. Над массивным трехэтажным зданием просматривался купол домово́й церкви. Дверь была закрыта, но женщине и не нужно было входить, потому что она и так знала расположение и вид комнат. Где-то справа на втором этаже помещались дортуары — спальные комнаты воспитанниц. Здесь бабушка, тогда еще совсем девочка, сидя на стуле, расчесывала волосы. Виктории послышалось даже, что кто-то вдруг крикнул: "Лебедева, к тебе!", и бабушка заторопилась, даже не собрав волосы в узел. В приемной на первом этаже ее поджидал отец. Он ласково погладил дочь по плечу, передал узелок с домашними пирогами и растворился во тьме времени...

Викторию вернул к действительности резкий звонок трамвая. Пожалуй, лишь он напоминал о том, что на дворе начало двадцать первого века, а не начало двадцатого. Улица была малолюдна, только торопливо переходили дорогу молодая и старая монахини в черных одеяниях. Жукова пошла за ними, свернула в проулок и увидела церковь Свято-Архангело-Михайловского женского монастыря, бело-голубую, совсем новую, как ей показалось. Вокруг храма полыхали пионы, розовели плоды на яблонях. Во внутреннем дворике среди цветников журчал фонтан, и стало у Виктории Эммануиловны так спокойно на душе, как не было с тех пор, когда по семейным обстоятельствам они решили всем семейством уехать на постоянное место жительства в Израиль. Ее внимание привлек стенд, где содержались сведения о долгой истории монастыря, его расцвете и уничтожении властью имущими варварами, о возрождении. Виктория часто бывала в храмах различных городов, но нигде такого не видела. Она поняла и почувствовала, что здесь помнят и чтят память предков. Ей стало ясно: именно сюда нужно передать воспоминания о своей бабушке, Валентине Лебедевой, которая на заре двадцатого века была воспитанницей епархи-

ального училища при этом монастыре. В ту же минуту женщина словно приняла обет: она должна собрать воедино материалы, накопившиеся за годы о своей семье.

Виктория Эммануиловна уехала. Она вступила в переписку с настоятельницей Свято-Архангело-Михайловского монастыря игуменьей Серафимой. По письмам было понятно, что та действительно проявляет большой интерес к истории, в частности, истории православия, что на территории монастыря по благословению Его Высокопреосвященства митрополита Одесского и Измаильского Агафангела воздвигается здание музея "Христианская Одесса". У Виктории отпали сомнения, в чьи руки передать семейный архив, а когда она привезла его и увидела молодую высокообразованную игуменью, тут уж, как говорится, и вопросов не было.

* * *

Интерес людей к своим корням в последние годы явственно растет. Мне известны те, кто увлеченно восстанавливает генеалогическое древо рода, и их немало. У Виктории Жуковой — не просто интерес, а, я бы сказала, святое отношение к истории своей семьи. В ней нет знаменитостей, особо значимых в общественном плане событий, но все члены семьи делами своими на ниве просвещения, религии, медицины, педагогики, художественного творчества оставили о себе добрую память не только у потомков, но и у множества людей, соприкасавшихся с ними.

Виктория Эммануиловна жила с родителями, бабушкой и бабушкой в Симферополе. Много лет преподавала в школах русский язык и литературу, работала в экскурсионном бюро. Дед и мать Виктории — врачи. Отец — известный в Крыму художник и скульптор Эммануил Грабовецкий, автор знаменитого памятника "Шапка партизана", который в образной форме увековечил боевую славу освободителей родины. Девочкой Виктория особенно близка была с бабушкой, Валентиной Захарьевной Лебедевой-Бру. Та много рассказывала о своей жизни, о муже, их родне. Голос ее теплел, когда она вспоминала годы учебы и работы в Одесском епархиальном училище. Так говорят о чем-то очень дорогом, о первой любви...

Бабушкины воспоминания настолько явственно отпечатались в сознании ребенка, что впоследствии Виктория смогла их восстановить — уже на бумаге. Она почувствовала, что не может допустить исчезновения памяти об уникальной судьбе бабушки, и вместе с нею — исчезновения целого пласта жизни поколения, на долю которого выпали невыносимые социальные катаклизмы.

Виктория Эммануиловна привлекла всех своих родственников. Они присылали воспоминания, документы, фотографии, называли новые адреса. Каждый потертый на сгибах, выцветший листочек превращался в документ своей эпохи. Например, владелец мехового магазина в Одессе и предположить не мог, что историческую ценность обретет выданная им где-то в десятых годах прошлого века расписка Лебедевой в предоставлении кредита с его постскриптумом: "Поздравляю Вас, мадам, с новой шубкой". Многие из семейных архивов безвозвратно утеряны. Иногда по непониманию значимости, но чаще — из-за страха попасть под неумолимый каток массовых репрессий. Сохранились, к счастью, письма бабушки жене. Виктория дополнила ими ее воспоминания. Она собрала огромное количество фотографий, восстановила имена запечатленных на них дам в широкополых шляпах с цветами, мужчин в мундирах и сюртуках, стриженных под гребенку комсомолок, красноармейцев в буденовках — все вместе они составили "портрет" страны.

Шесть толстых "амбарных книг" исписала Виктория Эммануиловна аккуратным учительским почерком, сделав великое дело для своей семьи и не только для нее. Материал разбила на главы, предварив каждую эпиграфом из произведений своих любимых писателей. Семейные хроники дополнила статьями из газет и журналов, так или иначе соотносящимися с историей их рода. Наибольший интерес для одесситов представляет повествование о жизни воспитанницы Одесского епархиального училища Валентины Лебедевой-Бру, а через нее — о самом училище, где действительно сеяли "разумное, доброе, вечное".

* * *

Прежде всего, однако, нужно рассказать хотя бы кратко о самом Одесском епархиальном училище — первом в России учебном заведении для девочек, где сочеталось светское образование и духовное наставничество. К великому сожалению, архивы училища пропали после его закрытия в первые годы советской власти. Сведения, которые удалось собрать, сохранились в книге игуменьи Серафимы "Молитвенные лампы".

В 1837 году в Одессу прибыл новый архиерей — преосвященный Гавриил. Он основал первый в губернии женский монастырь. Одновременно с сооружением церкви во имя святых праведных Захария и Елизаветы архиепископ ходатайствовал перед Синодом об открытии при монастыре женского училища для сирот. Эта благая мысль давно жила в его душе, и он приложил все усилия к ее осуществлению. "При утверждении

предложений архиепископа Гавриила Св. Синод признал, что означенное училище является учреждением совершенно новым в России", — писала газета "Одесский вестник" в 1837 году.

В 1844 году училище было открыто. Сироты из семей духовенства воспитывались при монастыре и получали образование. Преподавали монахини. Обучение было комплексным, чтобы привить необходимые нравственные, эстетические и практические навыки, сформировать религиозные убеждения у человека, только входящего в жизнь, стремящегося стать достойным гражданином, христианином, семьянином.

Новая настоятельница монастыря, полуграмотная матушка Сусанна, не могла наладить преподавание, как положено, и обратилась к архиепископу Димитрию с просьбой об отделении сиротского заведения от женского монастыря. В 80-е годы XIX века училище было передано епархии, однако финансировал его содержание монастырь. 27 апреля 1875 года архиепископ Леонтий совершил закладку первого камня в фундамент будущего училищного корпуса с домовою церковью.

Располагалось высокое трехэтажное здание на Успенской улице. На нем возвели купол домового Свято-Димитриевского храма. Освятил его в 1878 году архиепископ Платон, горячий сторонник просвещения, поддерживавший личными вкладами все духовные учебные заведения Одессы. О высоком уровне преподавания в епархиальном училище свидетельствует тот факт, что председателем Попечительского совета состоял протоиерей Михаил Павловский — блестящий преподаватель, профессор Новороссийского университета.

В начале XX века епархиальное училище готовило сельских учителей. Они разъезжались по селам, чтобы готовить к жизни новое поколение достойных граждан. Выпускницы епархиального училища считались завидными невестами, поскольку были хорошо образованы и воспитаны, подготовлены к ведению домашнего хозяйства.

* * *

Валентина Захарьевна Лебедева, одна из выпускниц Одесского епархиального училища, родилась в Елисаветграде (ныне — Кировоград) примерно в 1892 году. Ее отец, Захарий Григорьевич, был священником Петропавловского собора в том же городе, затем экономом епархии. Он женился на дочери одесского архитектора Алексея Жальбинского, которая происходила из большого, известного в городе рода греков — Куфудаки. В семье священника родилось 12 детей, Валентина была младшей.

Все дети получили образование в учебных заведениях при храмах. Катя, Мила, Фрося, а затем и Валя были ученицами Одесского епархиального училища, а братьев Тосю и Андриюшу отец определил в Одесскую духовную семинарию. Впоследствии Валентина Захарьевна так часто и так подробно рассказывала об учебе, что благодаря записям ее внучки мы можем составить точное представление о жизни епархиалок.

Распорядок дня был таков: в семь утра девочек будила дежурная воспитательница и вела в умывальную. Они должны были обливаться холодной водой до пояса в любое время года. Отопление в умывальных комнатах отсутствовало, но воспитательница строго следила, чтобы никто не уклонялся от закалывающей процедуры. Она же проверяла внешний вид воспитанниц, чистоту одежды, порядок в тумбочках. Еду и посторонние предметы держать там запрещалось. Передачи от родных хранились в именных шкафчиках в столовой. Вдоль стен спален располагались аккуратно застеленные кровати.

Затем воспитанницы спускались со второго этажа в церковь на утреннюю молитву. Совершив ее, они в столовой получали первый завтрак — кружку сладкого чая с куском хлеба. По звонку все расходились по классным комнатам. На уроках присутствовала классная дама. Она следила за дисциплиной: делала "нарушительнице" знак глазами или тихонько подходила, дотрагивалась до плеча, или делала замечание, чтобы никто не мешал учителю вести урок. Конечно, серьезных нарушений воспитанницы не допускали. А вот однажды, когда из комнаты для музыкальных занятий раздался "Собачий вальс", на учениц напал неудержимый смех... Если у кого-то ломалось перо или заканчивалась тетрадь, классная дама молча помогала. Следили классные дамы и за поведением на переменах. Девочки должны были ходить парами, разговаривать вполголоса, приветствовать начальницу училища и других взрослых кивком головы. Могла ли тогда предположить ученица Лебедева, что ее после окончания училища оставят там работать, и она, общительная, улыбкавая, станет строгой классной дамой?

Девочек учили со вкусом одеваться. Им запрещалось стричь волосы, мытье головы было целой разработанной процедурой. Понятно, почему на фотографиях Валентина и ее подруги — с длинными распущенными волнистыми волосами, как видно, предметом их гордости.

Учебная программа была насыщенной. Кроме Закона Божьего преподавалось много "светских" дисциплин: грамматика, чтение, литература, каллиграфия, арифметика, алгебра, геометрия, история, география.

Французский язык изучали так глубоко, что были дни, когда в училище все должны были говорить только на нем. Для изучения космографии во дворе училища был сооружен свой планетарий, где и проходили уроки. Много времени уделялось домоводству и рукоделию, пению, танцам, рисованию.

Валя больше всего любила Закон Божий, гуманитарные науки, рукоделие и домоводство, которое ей очень пригодилось после замужества.

Особенно запомнились ученице уроки географии и космографии. Вел их не кто иной, как Петр Васильевич Катаев. Да, отец будущих писателей Валентина Катаева и Евгения Петрова. Он всегда приводил мальчиков в училище на Рождество, и Валя, которая редко уезжала на каникулы, водила с ними хоровод. Петр Васильевич так увлекательно рассказывал о звездах и планетах, что девочки замирали от восторга. Наверняка учитель был наделен воображением и талантом выразить впечатления в слове. Так, он рассказывал, как брал в Африку старшего сына, Валентина, и они охотились на львов. Валентина Захарьевна только через много лет из книг Катаева узнала, что отец был небогат и не мог позволить себе сафари. Но что он много путешествовал — точно. Семья некоторое время жила при училище. Там же жила и работала тетушка будущих писателей из семейства Бачей. Валентина Захарьевна отмечала внешнее и внутреннее сходство Петра Васильевича с Антоном Павловичем Чеховым. А за творчеством Валентина Катаева следила всю жизнь. Любимым рассказом ее был "Банка варенья" из трилогии "Волны Черного моря".

До революции преподавателями были, в основном, педагоги-мужчины, потому что они могли обеспечить семью. Дома их ждал уют, хороший обед, после чего они спокойно готовились к урокам в своих кабинетах, поэтому и знания давали глубокие. Преподавали в гимназиях, семинариях, епархиальных, реальных и военных училищах профессора, писатели, философы, богословы, члены Географического общества, археологи и другие деятели науки. Даже классная дама получала столько, что, например, Валентина имела возможность помочь близким, поехать в отпуск, посещать театры. Ее сестра Екатерина на жалованье сельской учительницы художественно содержала семью.

В училище сложились незыблемые традиции, которым должны были следовать все. Здесь приучали гордиться званием епархиалки. А само училище гордилось выпускницами. Так, в кабинете начальницы висел портрет знаменитой певицы Антонины Васильевны Неждановой, которая также окончила Одесское епархиальное.

Валентина Захарьевна сквозь всю долгую жизнь пронесла благодарность педагогам и воспитателям училища.

* * *

Новоиспеченная выпускница поехала погостить к сестре в Павлоград, зеленый уютный городок. Та повела ее в лучшую кондитерскую, которую содержало семейство Бру. Ни одна хозяйка в городе не умела печь такие вкусные булочки, как мадам Бру. Каково же было удивление девушки, когда к сестре пришел молодой человек и представился: "Абрам Бру". Можно было не только удивиться, но сразу влюбиться в него. Высокий, стройный, с ярко-голубыми "фамильными" глазами, юноша покорила ее, и не только внешностью, но и умом, серьезностью. Валя и Абрам стали часто гулять по окрестностям, они не могли наговориться. Юноша доверительно рассказал, что уезжал ранее в Финляндию, поскольку в России иудею нельзя было рассчитывать на получение высшего образования. Там он сначала принял евангелическо-лютеранское вероисповедание, затем "присоединился к православной канонической Восточной церкви через святое таинство миропомазания". Справка об этом деянии стала оберегом: в годы войны она спасла всю семью.

По окончании медицинского факультета Харьковского университета Бру начал работать врачом-педиатром в Павлоградской больнице. Молодые мамы в нем души не чаяли: даже самый отчаянный крикун замирал в его больших нежных руках.

Впервые Валя с неохотой возвращалась из Павлограда в училище, где ей предстояло готовить к жизни воспитанниц. Молодые люди были так переполнены чувствами, что изливали их в нескончаемом потоке писем. Почти три года — короткие встречи, долгие разлуки и письма-ласточки. Абрам Яковлевич бережно хранил их. И мы, спустя девяносто лет, можем узнать из посланий епархиалки еще многое о быте и нравах училища, о ней самой.

Письма Валентины:

12.10.1915. *"С днем ангела поздравляю вас, милый, славный Авраам Яковлевич! К этому дню шлю вам искренние сердечные пожелания успеха и счастья, как вы понимаете и хотите его... Не сердитесь, милый, что не называю вас на "ты", как вы просили. Но, понимаете — не могу. Если я сейчас скажу "ты", то будет искусственно. Между тем, главный залог лучших отношений — прямота и правдивость".*

8 августа 1915. "У меня сейчас дежурство по коридору. Все учащиеся и служащие отправились в церковь на вечерню. Я сижу за столиком, кругом тишина, только изредка доносится стройное пение девочек, и в соседнем монастыре звонят в один колокол. На душе спокойно, и мысли постепенно начинают сосредоточиваться".

14 октября 1915. "Успела побывать в театре на опере "Польская кровь". Красивая вещь: чудный вальс, мазурка и балет. И с большим интересом смотрела на экране "Бесы" Достоевского. Хорошо инсценировано и недурна игра артистов — особенно мне понравился Мозжухин (Ставрогин). Очень рада, что я снова в Одессе, со своими подругами, со своим домом. Эх и люблю же я Одессу, в этом надо сознаться!"

1915. "Вот уже дней 10, как в Одессе царит зима: снег с морозом. Все хорошо, только нет санной дороги, а то на саночках покатались бы. Мы проектируем ходить на Ланжерон. В морозные и солнечные дни там устраивают катание с горы на салазках".

Февраль 1915. "Масленица начинается у нас 18-го. Затем Великий пост. Тогда тяжело, когда у нас всю неделю служение утром и вечером, а, основное, мы говеем. Видеться с вами даже в свободное время не смогу (говею). На Пасху буду стоять в церкви с ученицами".

Октябрь 1915. "Стараюсь большую часть времени гулять. А какой у нас чудесный сад! Сейчас он особенно красивый. В Одессе погоды буквально летние: тепло, тихо и необыкновенно солнечно, но, несмотря на все, осень начинает вступать в свои права. Природа умирает. Я не могу равнодушно видеть падающие листья в тихую погоду, когда, незаметно сорвавшись, лист опускается на землю медленно, медленно. Мне становится грустно от боли. А море! В прошлом году я очень часто его посещала. Для меня было громадным удовольствием слушать музыку волн или, глядя на свободную и беспредельную стихию, мечтать!"

1915. Киев. "Смотрела Саксаганского и Заньковецкую — "Ночь на Ивана Купала". Игра бесподобная! Завтра пойду в Кутеческий сад слушать симфонический оркестр. Два раза была во Владимирском соборе. Какая красота и великолепия! Невольно располагает к молитвам. Молось обо всех и о вас".

1916. "21 сентября — съезд благочинных, в зависимости от которого находится прибавка нам жалованья. Мы подали докладную в Совет, а Совет в съезд. Говорят, помощницы вместо 15 р. будут получать на всем годовом 25, а классные дамы — 30 р. Это недурно".

1916. "В праздник Покрова к нам в училище привозили Великий чудо-

творный образ Касперовской Божией матери. В церкви было большое слушание, а затем образ понесли по всему зданию — по залам и на квартиру классных дам. Я приложилась к ней, молилась и плакала, просила у нее материнского благословения на брак с тобой. Просила дать нам счастья. Молилась о всей нашей семье, о больном брате Ленечке и о всех людях. И так потом было легко и свободно на душе!"

10.4.1917. "Решено училище признать автономным. Управление делами предоставить Совету, который создается на выборных началах".

28.4.1917. (Последнее письмо Валентины) "Приеду не позже 10 и не раньше 8 мая. Первого мая — акт выпуска, к третьему уезжают все воспитанницы, а пятого предполагаются выборы председателя, в которых мы обязаны участвовать".

26 мая 1917 года Валентина и Абрам обвенчались в Успенском соборе Харькова.

* * *

В семье Вали никогда не существовал "национальный вопрос". Дети там росли среди разноязычных сверстников, отец, православный священник, был веротерпим, с одинаковой теплотой относился ко всем без исключения. Родители же Абрама, иудеи, поначалу воспротивились браку сына с выпускницей епархиального училища. Однако Абрам сумел убедить их пойти навстречу желанию его и Вали, их настоящей любви. Впоследствии родители мужа (Валины уже к тому времени умерли) привязались к доброй, воспитанной невестке. Свекровь обучила ее кулинарному искусству. До конца долгой совместно прожитой жизни супруги любили друга и никогда между ними не стояли религиозные убеждения. Абрам Яковлевич хорошо знал Тору, но в то же время вел переписку с православным архиепископом Лукой. Валентина Захарьевна говорила родным: "Я свою веру в шкафу прячу". Иногда она доставала из дальнего угла шкафа икону Христа Спасителя в серебряном окладе, бережно протирали ее, молилась и показывала внукам. Сейчас святой образ — семейная реликвия. Девочки же ощущали свою принадлежность к обоим ветвям семейного древа. Их чувства точно выразил близкий друг семьи, врач и поэт Анатолий Милявский. Его отец, Исай Исаевич, и Абрам Яковлевич подружились еще в детстве — и на всю жизнь. То, что они оба посвятили себя медицине, еще больше сблизило их. Так вот что написал Анатолий:

По матери свой род великоросский
Я вел от ратных княжеских людей.
Но жил во мне упрямый дух отцовский —
Насмешливый и умный иудей.

Текли во мне, запрятаны глубоко,
Не смешиваясь в русло до поры,
Два странных, два невидимых потока,
Две речки, две несхожие сестры.

Что мне любить сильнее и беззаветней,
К какой мне прилепиться стороне?..

Подобные чувства сохранились во втором и в третьем колене семейства Бру, хотя судьба разбросала их по разным странам.

Абрам Яковлевич некоторое время служил врачом в армии Врангеля. Его хранило провидение. Или, может быть, тайные молитвы жены? Он вернулся с фронта, его миновали репрессии. Абрам Бру стал первым в советское время педиатром Крыма. Так супруги оказались в Симферополе, где и прожили до своей кончины. Доктор всего себя отдавал во имя благородного дела — спасения от смерти и болезней маленьких детей. Не раз бывало, что помогал деньгами матерям, которые сами не имели возможности отвезти ребенка в санаторий. Был он человеком предельно честным и порядочным. Например, Валентина Захарьевна начала работать заведующей детским садом, но кто-то обмолвился, что доктор Бру "устроил" жену, и он попросил ее уйти. С тех пор она посвятила себя мужу, дочери Нине и внукам Виктории и Марии. В семье настолько были все близки, что доходило до мистических совпадений. Так, в один из дней рождения Абрама Яковлевича, который тогда был на конференции врачей в Ленинграде, супруга отправила ему телеграмму с известием, что сегодня у него родилась внучка Виктория.

Об атмосфере, которая царил в доме Бру, тепло вспоминает сестра Анатолия Милявского Лариса: *"Валентина Захарьевна Лебедева-Бру... При этом имени память сразу переносит меня в дни юности, когда я приходила в дом к ней и ее супругу Абраму Яковлевичу Бру — известнейшему и любимейшему в нашем городе врачу-педиатру, а также близкому другу моего отца. Моя мама, умершая вскоре после моего рождения, дружила с Валентиной Лебедевой. Их лица на снимках обладали особыми тонкими*

очертаниями. Таких лиц больше "не носят". И хотя я застала Валентину Захарьевну уже немолодой, вернувшейся в 1944 году из эвакуации, все же она, со своей благородной осанкой, с прекрасным лицом, всегда опрятная, в тонких батистовых блузках, с неторопливыми движениями и приятной манерой говорить оставляла сильнейшее впечатление у всех, с кем она общалась.

Вместе с мужем, крупным, очень высоким, со все еще прекрасными яркими синими глазами, они, бесспорно, выделялись на фоне тогдашней публики, составляя "звездную пару". Их квартира в Симферополе на улице Пушкина в огромном коммунальном дворе как-то умудрялась быть отличной от других квартир. Возможно, из-за иного убранства, обилия массивных шкафов с книгами и резных тумбочек. Во всяком случае, в моем представлении именно так полагалось жить уважаемым людям. Наверное, доктор Бру, кудесник и спаситель, в другие времена был бы значительно более состоятельным, но в то время все жили одинаково, и тонкие руки Вали носили на себе следы домашней работы. И все тяготы жизни не уменьшали ее жизнерадостности и гостеприимства.

Мне запомнились чаепития на застекленной веранде, где чай подавался по всем правилам даже мне, девчонке: с серебряными ложечками, с ситечком, в фарфоровых тонких чашках, с красивыми блюдечками для варенья и печенья. Основными темами бесед были книги, а также рассказы о моей маме, Асе Крыжановской, которую я не помнила.

Вполне очевидно на примере Валентины Лебедевой, что Одесское епархиальное училище воспитало не одно поколение культурных и полезных обществу женщин, которые благотворно влияли на свои семьи и на общество в целом".

Не может говорить о своей бабушке без волнения и Виктория Эммануиловна:

— Мама заботилась о нас с сестрой, отец водил в музей, но нравственное воспитание мы получали в доме бабушки и дедушки. Она никогда не читала морали, просто что-то говорила, что действовало на нас. Помню, я обидела кого-то из соседских ребят. Бабушка сказала: "Поступай с другими так, как хочешь, чтобы по отношению к тебе поступали они". Я запомнила ее слова на всю жизнь, и только взрослой узнала, что это библейская заповедь. Более пятидесяти лет у нее была подруга, тоже из семьи священника, но они всегда были на "вы". Так же она обращалась при посторонних и к мужу.

Бабушка была очень совестливой. Ее до конца дней мучило воспоми-

вание о том, что, работая классной дамой, однажды предпочла купить красивую блузку вместо того, чтобы послать деньги нуждающемуся брату. С горечью вспоминала она, как девочками они отказывались, когда отец просил их спеть украинские песни, которые он очень любил.

В память о нашей незабвенной бабушке Валентине Захарьевне мы с сестрой обе назвали своих дочерей Валентинами.

* * *

Такова история Одесского епархиального училища "в лицах". Точнее, в лице одной его воспитанницы. Если кто-то располагает сведениями о самом училище или его выпускниках, просим — поделитесь с нами. Его деятельность являет собою одну из малоизвестных, но важных страниц в истории нашего города.



Ничейные дети

Перед теми, кто в конце пятидесятых решал поступить на филологический факультет, сразу же вырастали две трудности. Первая находилась в непосредственной близости и казалась непреодолимой — это было поступление. Если вы не были медалистом, офицером, демобилизованным по хрущевскому сокращению армии или крестьянским отпрыском, обремененным к тому же стажем работы на полях, то перед вами представляли семь вступительных экзаменов, которые нужно было сдать на "отлично". Проходной балл для тех, на кого не распространялись льготы, был тридцать пять из тридцати пяти возможных. Конкурс пять-семь человек на место держался годами. И в этом было нечто парадоксальное. Каждый прекрасно осознавал, что его ждет карьера сельского учителя — необходимая, полезная, но отнюдь не привлекательная — и мизерная зарплата. Но об этом даже не принято было говорить. Само собой подразумевалось, что все станут журналистами, скажут свое слово в литературе, займутся, в конце концов, научной работой. А труд учителя начальной школы, воспитательницы детского сада или библиотекаря предназначен кому-то другому.

Если происходило почти чудо, и вы преодолевали все вступительные препоны, то получали восхитительную возможность пять лет бездельничать. Нельзя же было считать настоящей работой чтение любимых книг и диагональный просмотр нелюбимых. Какие были годы надежд, и какие книги! Отошли в прошлое забубенные "Белые березы" и "Кавалер Золотой звезды". Наша жизнь была взорвана романами Ремарка и еще более — Хемингуэем. А за ними уже вырастали глыбы Фолкнера и Вулфа. Они подарили нам понятие самоценности личности и гордый индивидуализм, помогли нам никогда уже не возвращаться, что бы с нами ни случилось, в закоулки коллективного сознания, и теперь всегда где-то впереди и над нами белели недостижимые и нетронутые снега Килиманджаро.

Иногда это безмятежное существование прерывалось экскурсами в сравнительное языкознание или историческую грамматику. И вот, когда вы окончательно привыкали к этой интересной и необременительной жизни, вдруг стремительно и неотвратимо приблизилась вторая проблема — распределение.

В начале шестидесятых годов будто бы появились — мы так думали — слабые ростки демократии. Нам объявили, что на заседание комиссии по распределению мы будем входить в соответствии со своим средним бал-